20990

КАКЪ И ЧЕМУ УЧИЛЪ
ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ
НАРОДЪ СВОЙ.

Изданіе учрежденной, по Высочайшему повелѣнію, Министромъ Народнаго Просвѣщенія Постоянной Коммисіи по устройству народныхъ чтеній.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Товарищество «Печатня С. П. Яковлева». Невскій, 132.
1896.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЦѢНА 8 КОП.

КАРТИНЫ КЪ НАСТОЯЩЕМУ ЧТЕНІЮ

(для аудиторій):

1. Портретъ царя Михаила Ѳеодоровича.
2. Видъ Архангельска.
3. Потѣшное войско.
4. Петръ разсматриваетъ астролябію.
5. Бухвостовъ.
6. Меньшиковъ.
7. Петръ находитъ иностранное судно.
8. Петръ въ Архангельскѣ.
9. Деревянный крестъ, сдѣланный Петромъ.
10. Петръ на заводѣ Демидова.
11. Видъ Саардама.
12. Петръ въ голландскомъ платьѣ.
13. Петръ на верфи въ Амстердамѣ.
14. Петръ получаетъ дипломъ мастера.
15. Заложеніе Петербурга.
16. Петербургъ при Петрѣ. Адмиралтейство.
17. Петръ экзаменуетъ молодыхъ людей, возвратившихся изъ за-границы.
18. Портретъ Петра Великаго.

КАКЪ И ЧЕМУ УЧИЛЪ
ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ
НАРОДЪ СВОЙ.

С. М. Макаровой.

Изданіе учрежденной, по Высочайшему повелѣнію, Министромъ Народнаго Просвѣщенія Постоянной Коммисіи по устройству народныхъ чтеній.

Изданіе четвертое.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Товарищество «Печатня С. П. Яковлева». Невскій, 132.
1896.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 февраля 1896 г.

Какъ и чему училъ Петръ Великій народъ свой.

Желаніе все знать, научиться всему полезному, явилось у Петра Великаго въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, и привычка дѣлать дѣло, какъ бы оно трудно ни было, осталась у него до конца жизни. Онъ не разъ говорилъ: «я работникъ моего народа». И точно, чтобы научить народъ работать и добывать все необходимое, Царь самъ выучился многимъ ремесламъ, до всего дошелъ, что было необходимо знать и умѣть дѣлать. Какъ онъ до всего доходилъ и чему училъ народъ свой, — мы постараемся расказать въ этой бесѣдѣ.

За шестьдесятъ лѣтъ до рожденія Петра Великаго, земля Русская только что была освобождена отъ Поляковъ. Вскорѣ послѣ того выбранъ былъ на царство дѣдъ Петра Великаго, Михаилъ Θеодоровичъ Романовъ. Засталъ онъ русскій народъ въ самомъ тяжеломъ положеніи: казна была разграблена, земля разорена; на-

родъ, во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ свирѣпствовала смута, разбѣжался по лѣсамъ; некому было засѣвать поля, платить подать государственную, ставить ратника; а между тѣмъ приходилось воевать съ нашими тогдашними врагами Поляками и Шведами. Дѣдъ Петра Великаго и отецъ его, царь Алексѣй Михайловичъ, охраняя отечество отъ внѣшнихъ враговъ, не могли заняться, какъ слѣдуетъ, устройствомъ земли Русской и облегчить тяготы народныя.

Въ то время, какъ сталъ царствовать Петръ, враги наши не пропускали насъ ни въ одно море, кромѣ Сѣвернаго океана; а тотъ стоитъ восемь мѣсяцевъ покрытый льдомъ, почему его и прозвали Ледовитымъ. Къ этому-то холодному океану прилегаетъ наше Бѣлое море, а на берегу его стоитъ городъ Архангельскъ. Городъ этотъ велъ въ то время торговлю заморскими товарами, привозимыми на иностранныхъ корабляхъ. Нынѣ Россія владѣетъ берегами четырехъ морей кромѣ Бѣлаго: Балтійскаго, Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго. Все, что у насъ добывается промыслами и дѣлается на фабрикахъ Петербурга и другихъ городовъ, идетъ чрезъ Балтійское море въ чужіе края, а оттуда привозится такой товаръ, который намъ дѣлать не подъ-силу или невыгодно. Изъ мѣстъ поблизости къ Одессѣ идетъ сбытъ чрезъ Черное

море; а тѣ города и села, что лежатъ на Волгѣ и не подалеку отъ этой большой рѣки, ведутъ двойную торговлю: чрезъ Нижній-Новгородъ на Москву и Петербургъ, а чрезъ Астрахань и Каспійское море—съ Азіатскими народами. Подвозъ къ этимъ водянымъ путямъ идетъ нынѣ по желѣзнымъ дорогамъ, проведеннымъ на нашей памяти, да по шоссе, о которомъ при Петрѣ и помину не было. До него еще не были даже проложены столбовыя дороги и можно было везти товары къ Архангельску или зимой на саняхъ, или лѣтомъ на баркахъ и на весельныхъ лодкахъ. Кораблей у насъ до Петра не было, да и къ чему было строить ихъ, когда къ какому морю ни сунься—всюду пути намъ были пресѣчены. Ѣздили только наши на большихъ ладьяхъ по Ладожскому озеру къ Финскому берегу—тотъ принадлежалъ тогда Шведамъ—да на Ледовитое море ловить китовъ и моржей. Ладьи эти, хотя и большія, были плохо сдѣланы, строились изъ сыраго дерева, бока ихъ не плотно пригонялись; скрѣплены онѣ были скобами и не канопатились; отъ такой плохой постройки онѣ часто тонули. По Сѣверному океану опасно было пускаться на нихъ въ дальнее плаваніе, и наши купцы везли свой товаръ только до Архангельска, гдѣ и сбывали иноземцамъ почти за безцѣнокъ, а

тѣ пріѣзжали туда на своихъ крѣпкихъ большихъ корабляхъ. Народъ больше всего богатѣетъ чрезъ торговлю, когда можно дешево купить иноземное издѣлье, да хорошо продать свое; а намъ приходилось въ то время сбывать за треть цѣны нашъ хлѣбъ, полотна, пряжу, мѣха, шкуры, овечью шерсть и другіе товары, а покупать въ три-дорога то, что вздумается привезти иноземцамъ.

Лишь только Петръ выросъ, онъ скоро понялъ все это. Пытливый умъ рано сказался въ немъ: четырехъ лѣтъ онъ уже приглядывался ко многому, работалъ маленькимъ топорикомъ и ножемъ, стрѣлялъ изъ игрушечнаго ружья. Съ нимъ учились и играли его однолѣтки, сыновья бояръ; съ ними-то онъ устраивалъ разныя потѣхи. Больше всего онъ любилъ играть въ войну и вскорѣ составилъ изъ своихъ товарищей цѣлый отрядъ и назвалъ его потѣшнымъ. Тѣшился онъ съ ними не такъ, какъ обыкновенно тѣшатся неразумныя дѣти, а старался добиться на дѣлѣ до всего, чему его учили, и нерѣдко требовалъ отъ своихъ учителей объяснить ему такія вещи, которыхъ тѣ и сами не понимали.

Князь Яковъ Долгоруковъ передъ отъѣздомъ своимъ во Францію, разговорился съ четырнадцатилѣтнимъ Петромъ и между прочимъ

казалъ, что у него былъ важный инструментъ, да жаль, украли: можно было этимъ инструментомъ брать дистанцію, не доходя до того мѣста.

— Купи мнѣ инструментъ во Франціи.

Долгоруковъ купилъ, привезъ. Астролябія въ рукахъ Петра; но что онъ съ нею станетъ дѣлать: не умѣетъ какъ взяться, а у кого спросить? Къ дохтуру нѣмцу, не знаетъ-ли? Дохтуръ самъ не знаетъ, но говоритъ, что сыщетъ знающаго человѣка, и дѣйствительно приводитъ Голландца Франца Тиммермана. Учитель нашелся; а ученикъ «гораздо присталъ съ охотою учиться геометріи и фортификаціи».

Съ новымъ своимъ учителемъ, Голландцемъ Тиммерманомъ, Петръ сталъ изучать военное дѣло и, по обыкновенію, играя со своими потѣшными, сталъ учить ихъ настоящему строю, да повелъ дѣло такъ, что скоро сформировалъ изъ нихъ цѣлую роту и назвалъ ее Преображенской, потому что тѣшился съ нею въ селѣ Преображенскомъ, въ трехъ верстахъ отъ Москвы. Когда Тиммерманъ сталъ учить, какъ надо строить крѣпости, Петръ захотѣлъ самъ построить крѣпостцу и принялся копать и плотничать со своими Преображенцами. Въ этихъ работахъ помогали ему придворные служители, и вскорѣ въ селѣ Преображенскомъ, на берегу

рѣки Яузы, поднялась крѣпость, да не игрушечная, а настоящая, устроенная по всѣмъ правиламъ и размѣрамъ, какіе вычислены въ книгахъ.

Начались новыя потѣхи; стали защищать и брать крѣпость; но потѣшныхъ оказалось мало. Петръ кликнулъ кличъ, чтобы шли къ нему разнаго званія охотники до ратнаго дѣла. Набралось много молодежи; не помѣстить всѣхъ въ селѣ Преображенскомъ; перевели часть по сосѣдству, въ село Семеновское, и стали потѣшные называться по тѣмъ селамъ Преображенцами и Семеновцами, какъ и до сихъ поръ называются наши первые гвардейскіе полки, сформированные изъ нихъ въ послѣдствіи Петромъ же. Изъ этихъ потѣшныхъ, мастеровъ на всѣ руки, вышли отличные помощники Петру. Одинъ изъ нихъ, Бухвостовъ, находился безотлучно при Петрѣ во всѣхъ его походахъ и былъ нѣсколько разъ раненъ. Другіе изъ товарищей дѣтскихъ игръ Петра, Лукинъ и Воронинъ, положили свои головы, добывая подъ Азовомъ Черное море для Россіи. Другъ Петра, молодой Троекуровъ, умеръ въ этомъ же походѣ отъ тяжкихъ ранъ. Александръ Меншиковъ, поступившій въ Преображенскій полкъ гораздо позднѣе другихъ, такъ усердно помогалъ Государю во всѣхъ его работахъ, что Петръ бралъ его съ собою, когда ѣздилъ

учиться за границу, и, награждая его постепенно за его дѣятельную службу, сдѣлалъ его въ послѣдствіи первымъ сановникомъ въ государствѣ.

Тѣшась со своими Преображенцами, Петръ выучился артиллерійскому дѣлу и перевезъ въ свою крѣпость настоящія пушки. Доходя до всего собственнымъ трудомъ, Петръ и стрѣльбу началъ изучать такъ же подробно, какъ изучали ее артиллерійскіе солдаты, которыхъ называли въ то время бомбардирами. За то никто вѣрнѣе царя не умѣлъ разсчитать, какъ далеко можетъ хватить ядро и какъ надо навести пушку.

Для всѣхъ затѣй и работъ нуженъ былъ Петру матеріалъ, а его не легко было добыть въ то время. Отыскивая его, онъ роется вмѣстѣ съ Тиммерманомъ по разнымъ складамъ.

При всякомъ новомъ предметѣ спрашиваетъ: что это? Зачѣмъ? Предметовъ новыхъ мало, и молодой Петръ всюду пробирается, разглядываетъ, нѣтъ ли гдѣ чего; все ему надобно, все отопри и покажи. Вдругъ видитъ судно особаго рода, иностранное! Вопросъ Тиммерману:—что это за судно?—Ботъ англійскій.—Гдѣ его употребляютъ?—При корабляхъ для ѣзды и возки.—Чѣмъ лучше нашихъ?—Ходитъ на парусахъ, не только по вѣтру, но и противъ

вѣтра.—Противъ вѣтра! Быть не можетъ! надобно посмотрѣть. Есть ли такой человѣкъ, что починилъ бы ботъ и ходъ его мнѣ показалъ?—Есть.

Сейчасъ отыскали Голландца Бранта, который вызванъ былъ при царѣ Алексѣѣ для постройки кораблей. Брантъ починилъ ботъ, сдѣлалъ мачту и паруса, и началъ лавировать на рѣкѣ Яузѣ.

— «Это мнѣ паче удивительно и зѣло любо стало», — говоритъ Петръ. — «Потомъ, когда я часто употреблялъ съ нимъ, и ботъ не всегда хорошо ворочался, но болѣе упирался въ берега, я спросилъ Бранта: для чего такъ? Онъ сказалъ, что узка вода. Тогда я перевезъ ботъ на просяной прудъ въ Измайловѣ, но и тамъ немного авантажу спозналъ, а охота стала отъ часу быть болѣе». Провѣдалъ Петръ про Плещеево озеро, лежащее во Владимірской губерніи, близъ Переяславля-Залѣсскаго: поѣхалъ туда, видитъ: озеро длиною десять верстъ, а шириною восемь, и не сталъ туда перевозить ботъ, а задумалъ построить тутъ нѣсколько судовъ. Выбралъ онъ подходящее мѣсто и началъ строить корабельную верфь. Плотники не привыкли къ такой стройкѣ: то не такъ срубъ поставятъ, то окно не рубятъ какъ слѣдуетъ. Принялся Петръ самъ за дѣло, размѣряетъ,

рубитъ, приколачиваетъ, а за нимъ и всѣ Преображенцы работаютъ, какъ простые плотники. Дѣло пошло на ладъ, построили верфь и стали готовить корабли, но тутъ-то Петръ и понялъ, какъ плохо приходится, когда нѣтъ своихъ фабрикъ. Того, другого матеріала не хватаетъ, ничего не найдешь, все надо выписывать изъ чужихъ краевъ. Желѣзные наши заводы такъ были тогда плохи, что на нихъ нельзя было порядочно скобъ и гвоздей надѣлать; не было и лѣсопильныхъ мельницъ для распиливанія досокъ, а про снасти и говорить нечего,—все цѣликомъ везли изъ-за моря. Паруса, якоря и каждую малость мы дорогой цѣною должны были покупать у Нѣмцевъ. Сдѣлалъ бы многое самъ Петръ по образцу иностранному, да инструментовъ нужныхъ нѣтъ, приспособленія для такихъ работъ никакого не заведено, бездѣлицы какой не хватитъ—и жди, пока Нѣмцы придутъ съ кораблями въ Архангельскъ.

Какъ бы завесть намъ своихъ фабрикъ побольше—думаетъ Петръ. Но купцы не хотятъ строить новыхъ фабрикъ, говорятъ: сбыту мало.

— Везите свой товаръ за-море, уговариваетъ ихъ Петръ.

— Нельзя, отвѣчаютъ купцы: иностранцы не дадутъ намъ торговать въ своихъ земляхъ. Пробовали наши возить товаръ свой въ Англію,

да ничего тамъ не продали; тамошніе купцы сговорились не покупать нашего товара, когда мы сами привозимъ его, чтобы отбить у насъ охоту къ нимъ ѣздить.

— Надо везти туда, откуда купцы къ намъ не ѣздятъ, рѣшилъ Петръ, а чтобы не разграбили морскіе разбойники нашихъ товаровъ, надо послать при нихъ военный корабль съ пушками.

Началась новая работа. Петръ со своими Преображенцами построилъ первый русскій военный корабль и благополучно спустилъ его на Плещеево озеро. Корабль готовъ, надо повидать море,—ѣдетъ Петръ въ Архангельскъ. Ходитъ онъ тамъ отъ корабля къ кораблю, разговариваетъ съ матросами и шкиперами, присматривается къ привознымъ товарамъ, а самъ раздумываетъ, какой торгъ для насъ выгоднѣе. Побывалъ онъ на тамошней верфи, гдѣ чинились иностранныя суда, и велѣлъ построить на ней два купеческихъ корабля; одинъ изъ нихъ нагрузилъ при себѣ: поташемъ, смолою, икрою и рыбьимъ клеемъ, и отправилъ, чрезъ Сѣверный океанъ, въ Нѣмецкое море.

Вернулся Петръ въ Москву и сталъ готовиться къ морскому походу въ Архангельскъ. Когда погода не дозволяла ему строить суда, онъ готовилъ корабельные блоки въ токарнѣ,

а токарню устроилъ онъ самъ для себя въ селѣ Преображенскомъ. Лишь только вскрылось Бѣлое море, онъ поплылъ, на изготовленной имъ флотиліи, въ Архангельскъ, прибылъ туда благополучно и отправился на яхтѣ по Бѣлому морю въ Соловецкій монастырь. Во время этого плаванія поднялась страшная буря, и яхта чуть ни погибла, но одинъ кормчій изъ монастырскихъ крестьянъ, по имени Антипъ, успѣлъ направить ее въ одну изъ близъ лежащихъ губъ Бѣлаго моря. За такую ловкость и знаніе своего дѣла, Петръ три раза поцѣловалъ его въ голову и щедро наградилъ. Буря продолжалась трое сутокъ и не дозволяла плыть далѣе; въ это время Петръ сдѣлалъ собственноручно деревянный крестъ въ полторы сажени вышиной и поставилъ его на томъ мѣстѣ, гдѣ благополучно вышелъ на берегъ.

Страшная буря не напугала Петра; возвратясь въ Архангельскъ, онъ вскорѣ отправился провожать иностранные корабли и проплылъ съ ними вдоль всего Бѣлаго моря, до самаго Ледовитаго океана. Плавая по бурному Бѣлому морю, онъ понялъ, какъ трудно везти чрезъ него товары, и мысль добыть другое море, не такое холодное и бурное, запала съ тѣхъ поръ въ его голову. Мысль эта не покидала его и по пріѣздѣ въ Москву, и онъ рѣшилъ наконецъ

отбить у Турокъ городъ Азовъ, за которымъ открытъ путь къ Черному морю.

Сталъ онъ еще строже обучать своихъ солдатъ и заставлять ихъ брать приступомъ крѣпости по всѣмъ правиламъ науки. Наконецъ, изготовивъ все нужное къ походу, объявилъ Туркамъ войну. Двинулись наши войска на полдень сухимъ путемъ и водою. Петръ, въ званіи простаго бомбардира, повезъ свою артиллерію по Волгѣ. По пути встрѣтились ему страшныя затрудненія: тѣ суда, которыя не строились подъ надзоромъ самого Петра, оказались плохими, пришлось останавливаться и чинить ихъ. У Царицына не было наготовлено довольно провіанта для войска, не оказалось лошадей для перевозки къ Дону орудій. Пришлось полу-голоднымъ солдатамъ тащить на себѣ, на разстояніи шестидесяти верстъ, орудія и снаряды. Преодолѣвъ однако всѣ эти трудности, Петръ устроился на одной изъ батарей, расположенныхъ противъ Азова, и принялся собственноручно начинять гранаты и безпрестанно стрѣлять въ непріятеля. Служба на батареяхъ была не легка. «Пѣшіе наклонясь ходимъ», писалъ Петръ въ Москву, «потому что подошли къ гнѣзду ихъ близко». Объ этой опасной службѣ онъ записалъ только слѣдующее: «зачалъ служить съ перваго Азовскаго похода бомбардиромъ».

Несмотря на всѣ старанія и неусыпные труды Петра, осада Азова не удалась: инженеры и подкопные мастера сплоховали, не зная дѣла. Петръ видитъ, что не все зависитъ отъ одной храбрости и упорнаго труда, а нужно тоже и умѣнье. Возвратясь въ Москву, онъ принимается хлопотать какъ можно скорѣе выписать изъ чужихъ краевъ знающихъ инженеровъ, учить нашихъ вести подкопное дѣло. А чтобы помѣшать Туркамъ подавать Азову помощь съ моря, онъ велитъ строить цѣлый флотъ кораблей и окружить ими Азовъ.

Пріѣхавшіе изъ чужихъ странъ корабельные мастера и плотники принялись строить суда въ Преображенскомъ; тамъ была лѣсопильная мельница. Имъ помогали Преображенцы съ Семеновцами, и къ концу года были ими изготовлены двадцать шесть судовъ. Въ это же время, собранные со всѣхъ концовъ Россіи, двадцать шесть тысячъ плотниковъ рубили струга и мастерили лодки и плоты. Петръ, разумѣется, слѣдилъ самъ за всѣми этими спѣшными работами. Переѣзжая изъ Преображенскаго въ Воронежъ, по пути заѣхалъ онъ на Тульскіе желѣзные заводы, построенные его дѣдомъ, и хлопоталъ отыскать тамъ мастера, который бы помогъ ему сдѣлать нѣсколько алебардъ по иностранному образцу. Никто не рѣ-

шался взяться за эту трудную работу, требовавшую большаго искусства; наконецъ явился молодой мастеръ Никита Демидовъ Антуфьевъ, и такъ понравился царю ростомъ, статностью, умѣньемъ взяться за дѣло и необыкновенной силой, что Петръ сказалъ, шутя: «вотъ молодецъ, годится въ Преображенскій полкъ». Испуганный мастеръ упалъ Царю въ ноги, умоляя его помиловать ради матери. Петръ засмѣялся и сказалъ: «я помилую тебя, если ты скуешь мнѣ триста алебардъ по сему образцу». Никита согласился, и точно, черезъ мѣсяцъ, привезъ Петру въ Воронежъ такъ хорошо сдѣланныя алебарды, что Государь заплатилъ ему втрое за работу, подарилъ нѣмецкаго сукна на платье, серебряный ковшъ и дозволилъ ему устроить чугунно-плавильный заводъ, котораго до тѣхъ поръ у насъ не бывало. Такой мастеръ былъ въ то время находкой для Петра; мало кто умѣлъ тогда ковать хорошо желѣзо и мы должны были выписывать желѣзныя издѣлія изъ Швеціи. Не мало потрудился въ свою жизнь Демидовъ, дѣлая хорошо и скоро разное оружіе для войска. Петръ щедро награждалъ его за работы, и Никита сталъ скоро богачемъ, а такъ какъ Государь называлъ его обыкновенно по отечеству Демидычемъ, то это прозванье за нимъ осталось, и пошелъ отъ него родъ

богачей Демидовыхъ. Не смотря на такія щедрыя награды Государя, мало было охотниковъ потрудиться на пользу общую: архангельскіе корабельщики, выписанные Петромъ, сильно запоздали, не хватило рукъ при работахъ на верфи, а тутъ еще простые плотники бѣгутъ сотнями отъ труднаго дѣла, лѣса горятъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рубятъ струги, не хватаетъ углей въ кузницахъ... Не смотря на все это, Петръ не унываетъ, подаетъ примѣръ всѣмъ, строя собственноручно самую большую галеру, на которую можно было помѣстить двѣсти человѣкъ.

Господь благословилъ трудъ его. Флотъ вышелъ удачный, и Азовъ былъ взятъ у Турокъ. Въ то время, какъ въ Москвѣ праздновали побѣду нашу надъ Турками, Петръ продолжалъ трудиться. Съ картой въ одной рукѣ и съ подзорной трубой въ другой, онъ осматривалъ ближайшія къ Азову мѣста и рѣшалъ, на какомъ мысу строить крѣпость для защиты города отъ нападенія Турокъ. Укрѣпивъ Азовъ, онъ велѣлъ перестроить магометанскія мечети въ православные храмы и пригласилъ Грековъ пріѣзжать торговать въ новый Русскій приморскій городъ. На обратномъ пути въ Москву, онъ пробылъ довольно долго на Тульскихъ заводахъ, совѣтывался съ заводчиками, какія улуч-

шенія надо сдѣлать въ желѣзномъ дѣлѣ, показывалъ Демидычу образцы иностранныхъ ружей, толковалъ съ нимъ о достоинствѣ желѣзной руды, открытой въ Сибири. Изъ этой руды Демидовъ сдѣлалъ нѣсколько ружей, по указанному Петромъ образцу. Работа и желѣзо оказались отличными. На Тульскомъ заводѣ до сихъ поръ хранится полоса желѣза, выкованная собственноручно Петромъ.

Увидавъ по Демидову и другимъ подобнымъ ему работникамъ, какъ легко Русскіе могутъ перенять многое у иноземцевъ, Петръ, по пріѣздѣ въ Москву, собралъ самую способную молодежь знатнаго рода и рѣшилъ послать ихъ въ чужіе края для изученія корабельнаго дѣла, разныхъ наукъ и мастерства.

Не смотря на то, что самъ царь работалъ, въ то время считалось постыднымъ для дворянина заниматься какимъ нибудь ремесломъ. Родственники посланныхъ за-границу молодыхъ людей стали жаловаться на Петра, что онъ унизилъ родъ ихъ. Желая доказать на дѣлѣ, что онъ вовсе не желаетъ обижать дворянъ своихъ, а только хочетъ приготовить изъ нихъ нужныхъ себѣ помощниковъ, Петръ рѣшился ѣхать самъ за границу и работать тамъ простымъ мастеровымъ, въ доказательство всѣмъ, что никакой трудъ не можетъ унизить человѣка.

На Руси всему начало
Царь,—начну же я съ себя!
И съ ремесленной науки
Началъ онъ, и—въ дѣлѣ скоръ—
Крѣпко въ царственныя руки
Взялъ онъ плотничій топоръ.
Съ бодрымъ духомъ въ бодромъ тѣлѣ,
Славно плотничаетъ царь;
Тамъ успѣлъ въ столярномъ дѣлѣ,
Тамъ, глядишь, ужь и токарь.

Чтобы разныя встрѣчи и пріемы не помѣшали ему заниматься дѣломъ и осматривать все нужное, онъ записался при посольствѣ рядовымъ Преображенскаго полка и велѣлъ писать къ себѣ всѣ бумаги на имя мастера Петра Михайлова. Преображенскихъ солдатъ, отправлявшихся охотниками при посольствѣ, было тридцать четыре человѣка, и Петру легко было остаться незамѣченнымъ между ними. Гдѣ только можно было, онъ плылъ водою. Если съ кораблемъ случалось что нибудь необычайное, онъ тотчасъ осматривалъ причины случившагося, иногда вскакивалъ даже ночью.

Пріѣхавъ въ Голландію, онъ остановился въ небольшомъ приморскомъ городкѣ Саандамѣ. Тутъ, какъ и во многихъ приморскихъ голландскихъ селеніяхъ, жители занимались кораблестроеніемъ, и берега залива были усѣяны

частными верфями, фабриками и заводами, на которыхъ работали тысячи мастеровыхъ. Строеніе судовъ шло тутъ такъ поспѣшно, что въ продолженіи пяти недѣль успѣвали изготовить совершенно оснащенный купеческій корабль. Петръ думалъ прожить никѣмъ незамѣченнымъ въ толпѣ этихъ мастеровъ и переодѣлся въ ихъ платье; надѣлъ бѣлыя штаны, красную куртку и лакированную матроскую шляпу. Квартиру онъ нанялъ тоже не лучше, чѣмъ простой мастеровой; она вся состояла изъ двухъ комнатъ: первая была кухня съ большою изразцовою печью, вторая—крошечная каморка, въ которой едва могла помѣститься одна кровать. Устроившись такъ, онъ записался корабельнымъ плотникомъ на большой, хорошо устроенной верфи и плотничалъ на ней ежедневно, отправляясь туда съ восходомъ солнца. Онъ работалъ такъ ловко и усердно, что не только иностранные, но и русскіе работники, жившіе за границей, принимали его за своего собрата. Проработавъ весь день, онъ заходилъ въ какой-нибудь трактиръ или въ гости къ мастерамъ, и толковалъ съ ними объ ихъ дѣлѣ. Несмотря на грубость голландскихъ плотниковъ, онъ постоянно распрашивалъ ихъ обо всемъ, что ему нужно было знать, и терпѣливо сносилъ, когда иные отвѣчали ему неохотно или вовсе не хотѣли объяснить спрашиваемаго. Онъ

осматривалъ всѣ фабрики въ окрестностяхъ Саандама и особенно внимательно вглядывался въ машины, движимыя посредствомъ воды, потому что ихъ легче было устроить въ то время въ Россіи. Для осмотра ихъ онъ купилъ себѣ яликъ и катался по заливу, заходя въ лѣсопильни, маслобойни, бумагопрядильни и всякія фабрики.

Недолго могъ онъ покойно разъѣзжать по заливу и ходить по улицамъ; не смотря на простое платье и плохую квартиру, Голландцы скоро догадались, что онъ важное лицо, когда же узнали, что онъ царь, стали сбѣгаться всюду, чтобы поглядѣть на него. Любопытные эти мѣшали ему работать. Разъ, изъ-за собравшейся толпы, онъ не могъ видѣть, какъ поднимаютъ машиной большіе корабли. Это сильно разсердило его и онъ поспѣшилъ тотчасъ перебраться изъ Саандама въ большой городъ Амстердамъ, на верфяхъ котораго строились большіе морскіе корабли для кругосвѣтнаго плаванія *). Для него нарочно былъ заложенъ тамъ новый фрегатъ, и Петръ со своими товарищами принялся работать опять какъ простой плотникъ, откликаясь только, когда его звали: «плотникъ Петръ», или «мастеръ Петръ!»

---

*) Когда жители Саандама узнали какой плотникъ у нихъ жилъ, то самый городъ свой стали называть не Саандамомъ, а Царь—или Сар-дамомъ, какъ зовется онъ и до нынѣ.

Началъ онъ свою работу на верфи съ приготовленія нужнаго матеріала для того фрегата, который собирался строить. При этомъ помогали ему десять Преображенцевъ, оставшихся при немъ, въ числѣ которыхъ былъ Александръ Меншиковъ. Петръ распредѣлилъ ихъ по-двое къ каждому дѣлу: мачтовому, ботовому, парусному и блочному. Приготовивъ съ ними въ три недѣли нужный матеріалъ и заложивъ фрегатъ, онъ написалъ въ Москву патріарху: «Мы въ Нидерландахъ, въ городѣ Амстердамѣ, благодатію Божіей и вашими молитвами, при добромъ состояніи живы, и послѣдуя Божію слову, бывшему къ праотцу нашему Адаму, трудимся; что чинимъ не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣтенія морскаго пути, дабы, искусясь совершенно, могли, возвратясь, противъ враговъ имени Іисуса Христа побѣдителями быть».

И Петръ точно трудился до поту лица; онъ не брезгалъ ни какой работой: конопатилъ, перетаскивалъ бревна, сучилъ канаты. Иноземные послы, пріѣзжавшіе для переговоровъ съ нимъ, должны были карабкаться по веревочнымъ лѣстницамъ военнаго корабля и находили его то на реѣ, то на гротъ-мачтѣ, сидящаго преспокойно, точно на тронѣ. Сидя на такой высотѣ, онъ толковалъ имъ о томъ, какъ необходимо для Россіи имѣть въ настоящее время побольше матросовъ и оружія, просилъ ихъ

помочь ему тѣмъ и другимъ, обѣщаясь заплатить за это съ лихвой, когда заключитъ миръ съ Турціею.

При этихъ переговорахъ онъ не пропускалъ случая распросить ихъ, въ какихъ городахъ можетъ онъ пріобрѣсть разныя вещи дешевле и лучшаго достоинства, для строющихся въ Россіи судовъ, и покупалъ ихъ на послѣднія свои карманныя деньги.

Посѣщая разныя мастерскія, Петръ сблизился съ однимъ типографщикомъ и дозволилъ ему печатать разныя полезныя книги и географическія карты на Русскомъ языкѣ, съ тѣмъ, какъ говорилось въ бумагѣ, данной типографщику: «чтобы книги и чертежи были напечатаны къ славѣ нашего имени и всему Россійскому нашему царствію, къ общей народной пользѣ и прибытку, и къ обученію всякихъ художествъ и вѣдѣнія». Голландецъ этотъ, а потомъ и его помощникъ, издали много, переведенныхъ на Русскій языкъ, книгъ, которыя принесли большую пользу обучавшейся въ то время молодежи.

На прощанье Голландцы угостили Петра примѣрнымъ морскимъ сраженіемъ, чѣмъ онъ остался весьма доволенъ. При отъѣздѣ онъ получилъ отъ корабельнаго мастера, у котораго на верфи проработалъ четыре съ половиною мѣ-

сяца, аттестатъ; въ немъ, между прочимъ, говорилось слѣдующее:

«Петръ Михайловъ, при исполненіи всѣхъ сихъ работъ, поступалъ какъ доброму и искусному плотнику надлежитъ и помогалъ намъ въ строеніи фрегата «Петръ и Павелъ», начиная отъ перваго бревна, до послѣдней отдѣлки. Кромѣ того, подъ моимъ надзоромъ, корабельную архитектуру и черченіе плановъ его благородіе изучилъ такъ основательно, что можетъ не хуже, чѣмъ мы сами, въ томъ и другомъ упражняться».

Несмотря на этотъ отличный аттестатъ, Петръ чувствовалъ, что онъ не вполнѣ понимаетъ корабельное дѣло, потому что въ то время и голландскіе мастера дѣлали больше все по навыку и сами не могли объяснить ему многое. Чтобы понять вполнѣ кораблестроеніе, онъ отправился доучиваться въ Англію.

Англичане встрѣтили Петра съ почтительнымъ вниманіемъ. Въ Англіи Петръ убѣдился, что ничто не можетъ обогатить такъ страну, какъ торговля, промыслы и фабрики. Онъ съ удивленіемъ узналъ, что въ такомъ небольшомъ королевствѣ, какъ Англія, получается гораздо больше дохода, чѣмъ во всей обширной Россіи, и рѣшилъ построить какъ можно больше у себя фабрикъ и расширить торговлю. Сталъ онъ еще усерднѣе изучать въ Англіи корабле-

строеніе и торговыя дѣла. Квартира, отведенная ему на счетъ короля, была загромождена моделями разныхъ кораблей, фрегатовъ и шлюпокъ; онъ посѣтилъ всѣхъ капитановъ военныхъ кораблей и хотѣлъ нанять на свою службу матросовъ англійскаго флота, но тѣ не захотѣли ни за какія деньги служить иноземному государю, и пришлось Петру нанять въ Англіи вольныхъ мастеровъ корабельныхъ, огнестрѣльныхъ, рѣзнаго дѣла, станичной оковки, жестяныхъ и другихъ. Осматривая англійскіе приморскіе города, онъ долго и со вниманіемъ останавливался на китоловныхъ судахъ, посѣщалъ госпитали, воспитательные домы и анатомическій кабинетъ, и своими постоянными вопросами замучилъ иностранцевъ, назначенныхъ сопровождать его. Петръ остался очень доволенъ своимъ пребываніемъ въ Англіи, и потомъ часто говорилъ: «если бы не побывалъ я въ Англіи, то остался бы на вѣкъ простымъ плотникомъ».

И точно онъ вернулся въ Россію человѣкомъ хорошо знакомымъ со всякимъ дѣломъ и мастерствомъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ убѣдился, что иностранцы не допустятъ насъ вести торговлю черезъ Черное море, пока Россія не станетъ страшна имъ своими сухопутными и морскими силами. А потому, какъ ни хотѣлось ему примѣнить тотчасъ къ дѣлу

все то, что онъ видѣлъ полезнаго въ чужихъ краяхъ, онъ пріостановился заводить фабрики, пока не устроенъ еще безопасный путь для сбыта всякихъ товоровъ.

Но какъ устрашить сосѣднія государства и заставить ихъ подѣлиться съ нами своимъ громаднымъ, прибыльнымъ торгомъ? Разумѣется, надо прежде всего завести противъ нихъ регулярное войско и военный флотъ, да не въ Черномъ морѣ, которое отъ нихъ далеко, а въ Балтійскомъ, чтобы, въ случаѣ чего, добраться до ихъ земель и погромить ихъ. Рѣшивъ такъ, Петръ набралъ сколько могъ войска и объявилъ войну Швеціи; она завладѣла берегами Балтійскаго моря, принадлежавшими нѣкогда намъ. Войско у короля Шведскаго было хорошо обучено и многочисленнѣе нашего; воевать съ ними было трудно, пока наши не пообвыкли вести правильно ратное дѣло, и въ началѣ войны Петръ говаривалъ: «слава Богу, что Шведы учатъ насъ какъ побѣждать надо». Черезъ семь лѣтъ послѣ того, какъ вернулся Петръ изъ за-границы, онъ отбилъ у Шведовъ берегъ, гдѣ протекаетъ рѣка Нева и заложилъ, почти при самомъ ея устьи, городъ Петербургъ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ
И въ даль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ,

По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ—
Пріютъ убогаго чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ...
И думалъ онъ:
Отсель грозить мы будемъ Шведу,
Здѣсь будетъ городъ заложенъ!

Надъ устройствомъ Петербурга Петръ потрудился болѣе, чѣмъ надъ чѣмъ-нибудь: подъ его надзоромъ носили землю для городскаго укрѣпленія и рубили деревянныя стѣны мазанокъ, въ которыхъ онъ долженъ былъ помѣститься со своими помощниками. Онъ съ особенной любовью относился всю жизнь къ этому городу, называлъ его раемъ и готовъ былъ уступить многое изъ отнятаго у Шведовъ, лишь бы сохранить этотъ важный пунктъ на Балтійскомъ морѣ. Небольшая земляная крѣпостца Петербурга не могла его защитить отъ большихъ шведскихъ пушекъ; а потому Петръ, осмотрѣвъ ближайшіе къ Невѣ острова Финскаго залива, остановился на островѣ Котлинѣ, измѣрилъ вокругъ него собственноручно глубину моря, отыскалъ фарватеръ, то есть удобный путь для прохода кораблей между отмелями залива, и заложилъ на этомъ островѣ

сильную крѣпость—Кронштадтъ, чтобы она обстрѣливала тотъ фарватеръ и не допускала непріятельскихъ кораблей до Петербурга. Черезъ годъ эта крѣпость была уже выстроена; ее освящали въ присутствіи Петра, причемъ онъ вручилъ новому коменданту собственноручно написанный имъ наказъ; въ немъ предписывалъ ему: «не сдаваться до послѣдняго человѣка, стрѣлять во всякаго, кто захочетъ прорваться силою мимо. Суда пропускать не иначе, какъ по осмотрѣ, и давать имъ своихъ лоцмановъ для провода, чтобы фарватеръ остался неизвѣстенъ иноземцамъ». Работы въ самомъ Петербургѣ шли еще быстрѣе: 1-го мая 1703 года было указано Петромъ гдѣ строить Петербургскую крѣпость, а въ ноябрѣ этого же года присталъ уже въ Петербургскую гавань первый иностранный купеческій корабль. Какъ вѣстникъ будущей прибыльной торговли корабль этотъ былъ принятъ какъ нельзя лучше: Петербургскій губернаторъ подарилъ шкиперу 500 золотыхъ, а каждому матросу по 30 рублей. Нашимъ посламъ велѣно было извѣстить иноземныя державы, что построенъ Петромъ при Балтійскомъ морѣ новый торговый городъ и будутъ даны разныя льготы купцамъ, которые повезутъ къ нему свои товары.

Въ то время какъ заманивали такимъ образомъ иноземные корабли на вновь открытую

Петербургскую гавань, на рѣкѣ Свири, которая впадаетъ въ Ладожское озеро, кипѣла сильная работа; въ нетронутыхъ до сихъ поръ лѣсахъ роняли громадныя деревья, а на новой верфи, въ Лодейномъ Полѣ, строились поспѣшно крѣпкія суда, чтобы было на чемъ везти наши русскіе товары къ иноземцамъ, не ожидая прихода ихъ кораблей. Суда эти чуть-было не погибли при переѣздѣ черезъ бурное Ладожское озеро, и Петръ, чтобы не подвергать болѣе флотилію подобной опасности, рѣшилъ строить около Петербурга, для чего заложилъ на островѣ, противъ крѣпости, адмиралтейское строеніе или корабельную верфь. Все это онъ успѣвалъ дѣлать, продолжая упорную борьбу со Шведами, и, отнимая у нихъ «наслѣдіе отцовъ своихъ», онъ устраивался опытнымъ хозяиномъ на берегу Финскаго залива.

Добравшись до моря, онъ сталъ понуждать своихъ строить фабрики. На замѣчанія приближенныхъ, что у насъ не могутъ идти хорошо мануфактуры и заводы, онъ отвѣчалъ: «Развѣ всѣ люди не отъ одного праотца-Адама произошли, и мы исключены изъ славы мудрости человѣческой? Помышлять такъ — значитъ хулить Создателя». Чтобы поощрить предпріимчивыхъ людей приняться за это дѣло, онъ сталъ давать разныя льготы; кто заводилъ вновь ка-

кую нибудь фабрику, тотъ увольнялся отъ казенной службы съ дѣтьми и братьями. Прикащики, мастеровые и ученики, состоявшіе при вновь открытой фабрикѣ, увольнялись тоже отъ всякаго казеннаго дѣла. Дома и заведенія фабрикантовъ освобождались отъ постоя. Въ продолженіи извѣстнаго числа лѣтъ, фабриканты освобождались отъ всякихъ податей и пошлинъ, какъ при выписываніи матеріаловъ и инструментовъ, такъ и при продажѣ своихъ издѣлій. Какъ только на вновь основанной фабрикѣ являлось достаточное количество издѣлій для продажи, на такой же товаръ, выписывавшійся нами изъ чужихъ краевъ, накладывалась большая пошлина, чтобы иноземные купцы не подрывали нашихъ фабрикантовъ. Когда заводъ рязанскихъ купцовъ Томилина и Рюмина сталъ выдѣлывать достаточное количество иголокъ, съ привозимыхъ изъ-за границы иголокъ стали брать пошлину въ стоимость самаго товара. Для легкой игольной фабрикаціи набирались малолѣтніе бѣдняки, просившіе милостыню; заводчики обязаны были держать ихъ на заводѣ до ихъ совершеннолѣтія, давать имъ готовое содержаніе и обучать въ совершенствѣ игольному мастерству.

Большинство фабрикъ заводилось на казенный счетъ; но лишь только онѣ шли успѣшно, Петръ сдавалъ ихъ въ года частнымъ лицамъ,

за небольшую плату, даже нерѣдко просто дарилъ тѣмъ заводчикамъ, которые вели дѣло добросовѣстно и продавали свои издѣлія не дорогой цѣной. Онъ подарилъ казанскому купцу Микляеву суконную фабрику, со всѣми принадлежавшими къ ней угодьями, крестьянами, землями, матеріалами и машинами, и, поцѣловавъ его въ голову, сказалъ: «Я надѣюсь, что ты скоро доведешь ее до желаемаго мною состоянія». Московскому купцу Ворогину подарилъ землю и 5 тысячъ рублей.

Изъ фабрикъ Петръ Великій старался прежде всего заводить у насъ такія издѣлія, которыхъ больше другихъ привозилось къ намъ изъ чужихъ краевъ. Въ бытность свою за границей онъ получилъ отъ завѣдывающаго нашими желѣзными заводами слѣдующее сообщеніе: «Болитъ сердце, что иноземцы, продавъ высокою цѣною шведское желѣзо и набравъ наши деньги, къ себѣ увезли, а наше сибирское желѣзо многимъ лучше шведскаго». Чтобы не пропадало наше доброе, вслѣдствіе неумѣнья его обрабатывать, Петръ привезъ съ собой изъ чужихъ краевъ мастеровъ для обработки желѣза и мѣди и поставилъ имъ въ обязанность держать при себѣ русскихъ рабочихъ и обучать ихъ своему дѣлу, не скрывая тѣхъ пріемовъ, которые они изучили въ своихъ земляхъ. Онъ построилъ близъ Онежскаго озера большіе желѣзные за-

воды, называемые Петровскими (Петрозаводскъ) и другіе—Сестрорѣцкіе, недалеко отъ Петербурга, на рѣкѣ Сестрѣ. Онъ такъ развилъ у насъ это дѣло, что за шесть лѣтъ до его смерти считалось уже у насъ 5 мѣдныхъ заводовъ, 26 желѣзныхъ и одинъ серебряный; сверхъ того, въ Казанской губерніи было 36 ручныхъ горновъ и 39 такихъ же горновъ въ Московской губерніи. О размноженіи этихъ заводовъ и улучшеніи выдѣлки на нихъ желѣза больше всѣхъ хлопоталъ Никита Демидовъ, сдѣлавшійся изъ простаго кузнечнаго мастера Тульскихъ заводовъ однимъ изъ первыхъ богачей въ Россіи.

Нѣмцы везли къ намъ много своего сукна. Петръ, не желая обогащать ихъ русскими деньгами, сталъ распространять свое суконное производство, заведенное еще отцомъ его, и построилъ много фабрикъ въ нашихъ полуденныхъ губерніяхъ, въ привольныхъ степяхъ которыхъ прибыльно разводить овецъ. Чтобы улучшить породу овецъ, онъ выписалъ изъ Силезіи тонкошерстныхъ,—называемыхъ у насъ шленскими, и строго слѣдилъ, чтобы шерсть на нихъ стригли какъ слѣдуетъ для суконнаго дѣла. Двое изъ нашихъ фабрикантовъ, Дубровскій и Сѣриковъ, привезли ему на пробу самаго тонкаго сукна. Петръ, ощупавъ сукно, выдѣланное на фабрикѣ Дубровскаго, спросилъ: изъ чего оно?

— Изъ одной пуши выдѣлано, отвѣчалъ фабрикантъ.

Эдакъ ты у меня перепортишь всю шерсть, замѣтилъ ему сердито государь; впередъ не смѣй выщипывать одной пуши, а старайся изъ стрижки дѣлать получше шерсть и отдалъ предпочтеніе сукну Сѣрикова, потому что оно было сдѣлано изъ обыкновенной стрижки.

Въ послѣдствіи онъ такъ былъ доволенъ сукномъ, выдѣлываемымъ на фабрикѣ Сѣрикова, что носилъ постоянно домашнее платье изъ сукна этой фабрики и хвалился передъ своими приближенными, что носитъ сукно русскаго издѣлія, совѣтуя имъ подражать ему въ этомъ. Въ послѣдствіи Сѣриковъ устроилъ обширную суконную фабрику въ Москвѣ, компаніей, то есть нѣсколько купцовъ соединили свои капиталы и завели сообща различныя суконныя производства, для чего должны были выписать мастеровъ и машины изъ-за границы. Имъ велѣно было расширить суконное производство, и быть въ помощь другимъ фабрикамъ небольшихъ размѣровъ, принимая отъ нихъ сукна неотдѣланными. Петръ такъ говоритъ объ этомъ въ своемъ указѣ: «Съ помощію Божіею, нѣкоторые изъ Россійскаго народа, трудолюбивые и тщательные къ оной фабрикѣ, шерсть прясть и ткать научились, а красить, лощить, гладить, тискать, пристригать и ворсить суконъ еще не

пріобыкли, и для того обучать этимъ мастерствамъ безкорыстно, дабы въ Россіи такого мастерства изъ Россійскихъ людей было довольное число». Фабрики эти обязаны были предпочтительно употреблять краски, находимыя въ Россіи, какъ-то: марену, червецъ, яблоновый листъ, дрокъ, зеленку, душицу и проч., а тѣ красильныя вещества, которыхъ у насъ въ дикомъ состояніи не находится, разводились въ огородахъ. Суконное дѣло у насъ пошло на ладъ, и Петръ, довольный этимъ успѣхомъ, писалъ: «Сукны дѣлаютъ, и умножается сіе дѣло весьма изрядно, изъ которыхъ я себѣ сдѣлалъ кафтанъ къ празднику». И такъ Петръ довелъ суконное производство до такого совершенства, что ужь не одно носильное, но и праздничное платье шилъ изъ своего русскаго сукна. При суконныхъ фабрикахъ заведена была ковровая; на ней въ послѣдствіи ткались картины, на манеръ тѣхъ, которыя Петръ видѣлъ во Франціи.

Писчую бумагу мы долго выписывали изъ Голландіи, потому что наши фабрики выдѣлывали очень мало бумаги, да и та была самаго низкаго сорта. Петръ послалъ въ Голландію нѣсколько молодыхъ людей учиться этому дѣлу, и, по ихъ возвращеніи, велѣлъ одному изъ нихъ, Короткину, построить недалеко отъ Москвы бумажную мельницу и фабрику по гол-

ландскому образцу. Затѣмъ издалъ указъ, чтобы «ненужное холщевое тряпье отнюдь никуда не бросали, а складывали и продавали на фабрику по 8 денегъ за пудъ». По образцу этой фабрики построено было потомъ, въ его царствованіе, до 30 бумажныхъ фабрикъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, и торгъ лоскутьями далъ хлѣбъ многимъ бѣднякамъ.

По деревнямъ и даже въ городахъ полотна у насъ изготовлялись большею частію на ручныхъ станкахъ, вслѣдствіе чего были узкихъ размѣровъ и не годились для хорошаго бѣлья. Будучи въ Голландіи, Петръ подрядилъ тамъ искуснаго полотнянаго мастера и отправилъ его въ Калугу къ одному извѣстному полотняному купцу и фабриканту, по имени Гончарову, при письмѣ. Между прочимъ онъ писалъ: «Буде-же тебѣ тягостно производить такое жалованье тому мастеру, то я беру платить ему отъ себя». Когда купецъ Затрапезный пожелалъ завести полотняную фабрику въ Ярославлѣ, Петръ подарилъ ему обширный дворъ и отвелъ мѣсто для бѣленія полотенъ, подлѣ рѣки. Черезъ нѣкоторое время полотняное производство пошло у насъ такъ успѣшно, что стали наши полотна вывозить за-границу, и Петръ именнымъ указомъ запретилъ, чтобы не ткали полотна уже $1\frac{1}{2}$ и $1\frac{1}{4}$ аршина ширп-

ною для того, что спросъ на широкія полотна былъ больше.

Дорого платили мы тоже иностранцамъ за привозимыя ими аптекарскія и красильныя травы. Петръ велѣлъ лекарямъ присматриваться въ разныхъ мѣстахъ Россіи къ растущимъ въ поляхъ травамъ, нѣтъ ли между ними лекарственныхъ и собирать нужныя для аптекъ. Тѣ изъ травъ, которыхъ не находилось у насъ на поляхъ въ дикомъ видѣ, велѣно было разводить въ огородахъ. По сихъ поръ называется Аптекарскимъ тотъ островъ подлѣ Петербурга, на которомъ разводились такія травы. Собравъ всѣ нужныя сорты красокъ, Петръ разослалъ образчики по всѣмъ губерніямъ, съ приказомъ отыскивать всюду такія краски и присылать въ Петербургъ, за что будутъ получать объявленную за это плату. Вслѣдствіе этого указа, Савеловъ открылъ въ Московскомъ уѣздѣ купоросную руду, въ которой, по испытаніи, открылся черный купоросъ, горючая сѣра и краска мумія. Ему дозволено было завести купоросный и красильный заводъ, причемъ велѣно было устроить заводъ для дѣланія скипидара, канифоли, гарпіуса и другихъ веществъ, добываемыхъ при гонкѣ скипидара и дозволено все это продавать безпошлинно въ продолженіи 30 лѣтъ. Житель Московской губерніи Васильевъ открылъ краску баканъ, ока-

завшуюся не хуже венеціанской, за что дана была ему привилегія на приготовленіе и продажу этой краски.

Съ давнихъ поръ было у насъ построено много пороховыхъ мельницъ; селитра для нихъ большею частью выписывалась ихъ чужихъ краевъ. Петръ велѣлъ исправить и расширить прежніе селитряные заводы и построить новые въ нашихъ полуденныхъ губерніяхъ.

Хотя и были у насъ стеклянные заводы до Петра, но въ такихъ малыхъ размѣрахъ, что приходилось покупать большую часть стеклянной посуды у Голландцевъ; любимецъ Петра, Меньшиковъ, устроилъ большой стеклянный заводъ въ отнятомъ у Шведовъ городѣ Ямбургѣ и при немъ первую зеркальную фабрику.

Изъ Голландіи мы выписывали множество шелковаго товару, потому что въ то время дворяне носили бархатные и шелковые кафтаны, обшитые галунами. Петръ учредилъ въ Петербургѣ позументную и ленточную фабрику и выписалъ для ней опытныхъ мастеровъ, у которыхъ велѣлъ учиться многимъ молодымъ людямъ.

Петръ хлопоталъ тоже улучшить производство отпускаемаго нами за границу товара и поднять на него цѣну. Онъ запретилъ вывозить льняное и конопляное сѣмя, а велѣлъ бить изъ него масло, что заставило заводить

по деревнямъ маслобойни и давало работу большому числу рукъ.

Запретилъ онъ тоже выдѣлывать юфть съ дегтемъ, а строго приказывалъ дѣлать ее съ ворванью, т. е. съ китовымъ саломъ. Чтобы научить какъ приняться за это дѣло, онъ приказалъ промышленникамъ выслать отъ себя смышленыхъ мастеровъ въ Москву, для обученія лучшей выдѣлкѣ юфти, и разослалъ иностранныхъ мастеровъ по губерніямъ—обучать нашихъ кожевенному производству. Но такъ какъ иностранные мастера не показывали всего своего искусства ученикамъ и утаивали многое изъ того, что могло улучшить производство, то Петръ продолжалъ посылать молодыхъ людей разныхъ сословій за границу, учиться разнымъ ремесламъ и искусствамъ. Молодежь эта жила и училась за границей на казенный счетъ, а когда возвращалась въ Россію, то Петръ самъ экзаменовалъ ее. Такъ какъ онъ зналъ хорошо почти всѣ фабричныя производства, то экзаменъ этотъ была не легкій, за то и награждалъ онъ щедро тѣхъ, кто точно потрудился при ученьи.

Онъ во все вникалъ самъ, не хотѣлъ, чтобы что-нибудь въ его государствѣ пропадало даромъ, не хотѣлъ, чтобы хорошій матеріалъ тратился на дешевыя производства, а потому велѣлъ дѣлать поташъ только изъ сучьевъ такихъ деревьевъ, которыя не годны для строенія.

Много издалъ Петръ законовъ, чтобъ не смѣли рубить строевой лѣсъ на мелкія подѣлки, велѣлъ клеймить лучшія деревья и приставилъ дозорщиковъ, чтобы тѣ не дозволяли рубить ихъ. Народъ былъ въ то время темный, не понималъ, что Царь заботился сохранить ихъ же достояніе, и ропталъ на него. Разумѣется, было легче каждому изрубить на дрова первое попавшееся дерево, чѣмъ объѣзжать нѣсколько верстъ или собирать валежникъ; а того не понимали, какой страшный убытокъ дѣлается общей пользѣ отъ безтолковой рубки: срубить большое, широкостволое дерево на дрова или на какую бездѣльную подѣлку, лишь бы не ходить далеко—то же самое, что отдать десятирублевую ассигнацію за гривеникъ, лишь бы не трудиться мѣнять ее. И теперь не всякій изъ насъ понимаетъ, какой огромный убытокъ онъ приноситъ, рубя задаромъ хорошій лѣсъ. Отдай кто за калачъ десять рублей, сосѣди его закричатъ, что это сумасшедшій; а изруби кто на кадушку широкостволую сосну,—никто изъ сосѣдей и слова не скажетъ; а между тѣмъ тутъ болѣе чѣмъ десять рублей ушли на десятикопѣечное дѣло. Если такую простую вещь и теперь еще не всѣ у насъ понимаютъ, такъ мудрено ли, что въ Петровскія времена и совсѣмъ того не понимали, и сильно роптали на Петра за приказъ его беречь хорошія деревья.

Народъ полагалъ, что все это онъ придумываетъ для лишней его тягости, межъ тѣмъ какъ Петръ постоянно заботился о томъ, чтобы народъ не притѣсняли и въ томъ же своемъ указѣ о лѣсѣ писалъ: «Извѣстно мнѣ учинилось, что въ тѣхъ лѣсахъ, что розданы во владѣніе разныхъ чиновъ людямъ, оные въ свои дачи для рубки лѣсу и дровъ никого не пускаютъ, а хотя и пускаютъ, то берутъ немалыя деньги, отчего лѣсъ и дрова стали дороги. Ежели кто, за симъ указомъ, въ дачи для рубки лѣса и дровъ пускать не будетъ, то у тѣхъ данныя имъ земли взяты будутъ на его императорское величество, безвозвратно».

Не дозволялъ присутственнымъ мѣстамъ кидать ненужную писанную бумагу, но свозить ее на Петербургскую бумажную фабрику, за что получать, въ извѣстной пропорціи, вновь выдѣланную. Приказалъ кожевникамъ отнюдь не выбрасывать худой коровьей шерсти, но собирать ее для фабрикъ. Всѣ эти требованія вызвали, разумѣется, неудовольствіе въ народѣ. Понимая, съ какимъ трудомъ неразвитый, безграмотный народъ отвыкаетъ отъ того, что привыкъ дѣлать по старому способу, Петръ писалъ въ своемъ указѣ: «Нашъ народъ, яко дѣти, не ученію радъ, которыя никогда за азбуку не примутся, если отъ учителя приневолены не бываютъ, которымъ сперва досадно

кажется, но когда выучатся потомъ благодарятъ. Это явно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ: не все-ль неволею сдѣлано, а ужъ за многое благодаренія слышутся. Особенно за тѣ дѣла, плодъ которыхъ уже видѣнъ; такъ и въ мануфактурныхъ дѣлахъ надо добрымъ хозяиномъ быть и не одинимъ предложеніемъ, но и принужденіемъ дѣйствовать; напримѣръ: гдѣ валяютъ полости тонкія, тамъ заставлять дѣлать шляпы; гдѣ дѣлаютъ юфть, тамъ заставлять выдѣлывать лосиныя кожи и прочая, что изъ кожъ дѣлается. А когда выучатся, тогда могутъ и безъ надсмотрщиковъ быть».

Немало старанія Петръ приложилъ и къ усовершенствованію нашихъ промысловъ и хлѣбопашества. Зная, какъ для Россіи важна обработка полей, онъ пригласилъ къ себѣ иноземцевъ, хорошо знавшихъ земледѣліе и поселилъ ихъ въ нашихъ хлѣбородныхъ губерніяхъ, съ тѣмъ, чтобы они учили народъ нашъ, какъ надо удобрить землю, чего дотоль въ Россіи не знали. Особенно онъ хлопоталъ о распространеніи хлѣбопашества въ Сибири, такъ какъ Азіатцы охотнѣе всего мѣняли товаръ свой на хлѣбъ. Чтобы заохотить хлѣбопашцевъ селиться въ Сибири, онъ велѣлъ раздавать земли крестьянамъ, снабжать ихъ сѣменами для посѣвовъ и выдавать денежныя пособія. Всѣ ссыльные обязаны были обработывать землю.

Стоило только провѣдать Петру, гдѣ что хорошо родится, какъ онъ тотчасъ приказывалъ начальникамъ тѣхъ губерній улучшить засѣваемое. Онъ выписалъ лучшіе сорты табаку, чтобъ сѣять ихъ въ Малороссіи, гдѣ и до сихъ поръ табакъ разводится въ большомъ количествѣ. Провѣдавъ, что около Астрахани можетъ рости виноградъ, Петръ выписалъ разныхъ сортовъ виноградныя лозы и для каждаго сорта вина — опытнаго винодѣла. Въ скоромъ времени виноградники разрослись не только около Астрахани, но и на рѣкѣ Терекѣ и при устьи Дона, и любители виноградпаго вина могли покупать его въ Россіи, вслѣдствіе чего уменьшился привозъ его изъ-за границы и цѣна на него спала. Желая развести въ Россіи шелковичнаго червя, Петръ собственноручно посадилъ въ Малороссіи первыя тутовыя деревья, листьями которыхъ питается тотъ червь, и основалъ первое въ Россіи шелковичное заведеніе на Волгѣ подлѣ Царицына. Заведя свои шелковыя фабрики, онъ велѣлъ всѣмъ придворнымъ носить шелковые чулки русскаго производства. Къ сожалѣнію, это шелковичное заведеніе не было поддержано послѣ его смерти.

Больше всего заботился Петръ объ разведеніи льна и пеньки въ Россіи, причемъ совѣтовалъ увеличивать постепенно посѣвъ его: «Кто сѣялъ четверть льну или пеньки, писалъ

онъ въ своемъ указѣ, тотъ пусть, при слѣдующихъ посѣвахъ, прибавляетъ еще по четверику противъ прошлогодняго посѣва, а гдѣ вовсе не сѣяли, тамъ учить крестьянъ, какъ приняться за это дѣло, толкуя имъ при этомъ, что велѣно это дѣлать для всенародной пользы». Пенька наша шла, съ большой для насъ прибылью, за границу; но наши купцы, желая нажить побольше денегъ, обманывали часто иностранныхъ купцовъ и дѣлали тѣмъ подрывъ всему торгу. На это тоже обратилъ вниманіе Петръ и написалъ: «Объявить указъ въ народѣ: такъ какъ происходятъ жалобы англійскихъ купцовъ, что русскіе купцы въ бракованіи пеньки чинятъ обманы, въ средину хорошей не только кладутъ худую и гнилую, но и каменья, то подтвердить жестокими указами отнюдь того не чинить».

Еще до Петра, рыбные промыслы шли у насъ хорошо въ нашихъ полуденныхъ губерніяхъ; Петръ же старался распространить этотъ прибыльный промыселъ и на сѣверѣ: онъ хотѣлъ научить нашихъ солить сельди на маперъ голландскихъ и завести торгъ ими. Заботился расширить китовые промыслы на Бѣломъ морѣ, для чего выписалъ опытныхъ китолововъ и велѣлъ строить прочныя, хорошо приспособленныя, для этого промысла суда.

Петръ всегда заботился больше объ обще-

ственной пользѣ, чѣмъ о своей собственной; яснѣе всего это видно изъ слѣдующаго: прежніе государи брали на себя все, что выгоднѣе было въ промыслахъ и въ торгу. Петръ же измѣнилъ это постановленіе; объявлено было всѣмъ: «Великій государь, милосердуя къ купечеству Россійскаго государства, указалъ по именному своему указу казеннымъ товарамъ быть только двумъ—поташу и смольчагу, и то для береженія лѣсовъ, а прочими товарами, которые продавались изъ казны, торговать вольно, только съ прибавочною пошлиною, чтобы было къ государственной пользѣ и къ народной прибыли». Но такія благодѣтельныя мѣры проходили незамѣченными; народъ не понималъ, что Петръ устраиваетъ многое для будущаго; что онъ заботится упрочить благосостояніе народное, и роптали на него всякій разъ, какъ приходилось поработать болѣе обыкновеннаго, ради своихъ внуковъ и правнуковъ. Петръ понялъ, что такое непониманіе самыхъ полезныхъ его указовъ происходитъ отъ недостаточнаго умственнаго развитія въ народѣ: тогда мало кто и изъ дворянъ зналъ хорошо грамоту, а о простомъ народѣ и говорить нечего. Вотъ и сталъ Петръ заводить школы, «изъ которыхъ бы», какъ онъ говаривалъ, во всякія потребы люди выходили: «и на гражданскую, и на военную, учились строенію и вра-

чебному искусству». Первыя, заведенныя Петромъ, школы были цифирная и морская. Въ этихъ школахъ учились люди всякихъ сословій и возрастовъ. При экзаменахъ присутствовалъ самъ Петръ и раздѣлялъ учениковъ, смотря по успѣхамъ въ наукахъ, при какомъ дѣлѣ кому служить. Онъ такъ хлопоталъ, чтобы мѣста раздаваемы были по заслугамъ, что въ ночь на Полтавскую битву, когда все войско отдыхало, подкрѣпляя свои силы для утренняго боя, онъ въ своей палаткѣ просматривалъ письменныя работы учениковъ и отмѣчалъ кто чего достоинъ, а съ восходомъ солнца командовалъ уже войсками и, въ продолженіи всей битвы, находился въ самомъ пылу сраженія. До сихъ поръ хранятся и собственноручныя помѣтки его на ученическихъ работахъ, и шляпа, простреленная въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ Полтавскомъ бою.

Не всѣ понимали, что заставляло Петра проводить безсонныя ночи надъ ученическими работами, но были и такіе, которые сознавали необходимость быть каждому грамотнымъ. Посошковъ, вышедшій при Петрѣ изъ крестьянъ въ торговые люди, писалъ: «Немалая пакость крестьянамъ чинится отъ того, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ. Въ иной деревнѣ домовъ двадцать и тридцать, а грамотнаго человѣка нѣтъ ни одного, и оттого случается, если кто пріѣдетъ

съ указомъ или безъ указу, да скажетъ, что указъ у него есть, то ему вѣрятъ и принимаютъ на себя излишніе убытки, потому что всѣ они слѣпые, ничего не видятъ и не разумѣютъ. Многіе пріѣзжаютъ и безъ указа, и пакости чинятъ имъ великія, а они оспорить не могутъ, и въ поборы съ нихъ много лишнихъ денегъ берутъ. Для охраненія отъ такихъ напрасныхъ убытковъ не худо бы крестьянъ и поневолить, чтобъ дѣтей своихъ отдавали дьякамъ учиться грамотѣ, читать и писать». Такъ совѣтовалъ еще въ Петровское время крестьянинъ Посошковъ. Но какъ было Петру настаивать, чтобъ крестьяне отдавали дѣтей своихъ учиться грамотѣ у дьячковъ, когда тѣ сами плохо знали ее и не понимали того, что читали; а потому Петръ требовалъ, чтобы священники и причетники отдавали дѣтей своихъ въ школы, и готовили изъ нихъ дѣльныхъ народныхъ учителей. Для безграмотныхъ онъ велѣлъ читать каждое воскресенье и по праздничнымъ днямъ указы и разныя правительственныя постановленія, причемъ приказалъ толковать народу, для чего что имъ вводится. Въ своихъ указахъ Петръ тоже старался разъяснить по возможности, для чего онъ требуетъ то или другое, и растолковывалъ ими то, отъ чего могли приходить въ смущеніе суевѣрные. Такъ въ одномъ изъ своихъ указовъ онъ объ-

яснялъ, что уроды родятся у людей и у животныхъ вовсе не отъ колдовства или такъ называемой порчи, какъ тогда думали неграмотные люди, а вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія матери.

Заботясь постоянно о томъ, чтобы народъ понималъ все, что кругомъ его происходитъ, онъ хотѣлъ, чтобы всѣ грамотные могли знать, что дѣлается въ Россіи и другихъ земляхъ, и велѣлъ печатать газету для всѣхъ, кто захочетъ имѣть ее, а не для однихъ только вельможъ, какъ это водилось до него. Въ этой газетѣ разсказывалось, гдѣ находится Государь и чѣмъ занимается, какъ идетъ ученіе у насъ въ школахъ, сколько судовъ гибнетъ на Ладожскомъ озерѣ и по большимъ рѣкамъ, вслѣдствіе того, что строятъ ихъ плохо и не хотятъ поучиться строить ихъ лучше. Въ театрѣ тоже Петръ дозволилъ бывать всѣмъ, и желалъ, чтобы давали представленія полезныя для зрителей, напримѣръ—какъ отнятъ былъ Петромъ у Нѣмцевъ нашъ древній городъ Орѣшекъ, что нынче Шлиссельбургомъ называется.

Зная по опыту, что ученье и добросовѣстный трудъ дѣлаетъ скорѣе человѣка разумнымъ, Петръ желалъ, чтобы всѣ сословія въ его государствѣ трудились и никто не оставался празднымъ. До него дворяне жили въ своихъ помѣстьяхъ, ни чѣмъ не занимаясь, кромѣ хо-

зяйства,—Петръ заставилъ служить и учиться всѣхъ дворянъ и желалъ, чтобы небогатые изъ нихъ занимались торговлей, а не перебивались кое-какъ въ своихъ крохотныхъ помѣстьяхъ. До него при церквахъ и монастыряхъ было много причетниковъ, семьи которыхъ кормились на счетъ прихожанъ,—Петръ велѣлъ молодыхъ церковниковъ и монастырскихъ служекъ, отъ 15 до 20-лѣтняго возраста, отдавать учиться разнымъ мастерствамъ, выбирая въ это ученье преимущественно грамотныхъ. Онъ велѣлъ учить тоже рукодѣлью и разнымъ ремесламъ въ женскихъ монастыряхъ. Главное ремесло была пряжа. Въ указѣ говорится: «Разослать по монастырямъ Покровскихъ мастерицъ пряденія для обученія пряжѣ тѣхъ монахинь, которыя не знаютъ никакого другаго ремесла, но кто изъ нихъ знаетъ лучшія рукодѣлія—препятствія въ ихъ работахъ не чинить». При этомъ Петръ приказывалъ мастерицамъ поступать съ учащимися кротко и смиренно, никого неточію чѣмъ бить, но никакою бранью не бранить, а которая изъ нихъ небрежно учится, на ту приносить жалобу игуменьѣ.

Заботясь, чтобы никто не тунеядствовалъ, входя въ малѣйшія подробности каждаго дѣла, указывая какъ дѣлать лучше кафтаны, шапки, сапоги, башмаки, сѣдла и проч., строго взы-

скивая за лѣность, нерадѣніе и лихоимство, Петръ вмѣстѣ съ тѣмъ сильно стоялъ за трудящихся и употреблялъ разные способы, чтобы облегчить ихъ трудъ и помочь дѣлу. Зная какія чрезмѣрныя проволочки и притѣсненія чинились тогда въ судебныхъ мѣстахъ и въ губернскихъ правленіяхъ, онъ захотѣлъ избавить купцовъ и мастеровъ отъ подобнаго стѣсненія и траты даромъ времени, и учредилъ *коллегіи* для торговли и мануфактуръ.—Коллегіей называлось такое учрежденіе, гдѣ рѣшалось дѣло сообща нѣсколькими лицами по большинству голосовъ. Коллегіи обязаны были рѣшать дѣла между мастерами, учениками и рабочими какъ можно поспѣшнѣе, безъ письменнаго производства, а просто на словахъ.

Проведеніе каналовъ между судоходными рѣками было дѣло трудное, требовавшее большихъ денегъ и огромнаго количества работниковъ, но, не смотря на все это, Петръ добился-таки соединить ими водяной путь между Волгою и Невою, и тѣмъ далъ возможность провозить на судахъ товары изъ Азіи чрезъ всю Россію и вывозить ихъ вмѣстѣ съ нашими производствами въ чужіе края.

Прорывъ Вышневолоцкій каналъ, соединивъ рѣки Тверцу и Мсту, Петръ хотѣлъ уничтожить на рѣкѣ Мстѣ пороги, называющіеся

Боровицкими, но такъ какъ сдѣлать это было невозможно, то рѣшено было задерживать воду въ рѣкѣ посредствомъ шлюзовъ и спускать ее во время прохода судовъ, чтобы быстрое теченіе при большомъ скопленіи воды проносило бы суда поверхъ этихъ пороговъ. Онъ самъ ѣздилъ наблюдать за постройкой шлюзовъ и старался по возможности устроить удобнѣе спускъ судовъ. Петръ не хотѣлъ, чтобы тратились строевыя деревья при спускѣ судовъ на порогахъ, и велѣлъ кормчему устроить руль для управленія судномъ вмѣсто потесей, т. е. четырехъ огромныхъ бревенъ, замѣняющихъ весла: два бревна спереди судна, два назади его. Кормчій доказалъ, что съ рулемъ пускаться опасно, неравно онъ сломится, тогда судно погибнетъ. Петръ не послушалъ и сѣлъ самъ править рулемъ. Опытный кормчій догадался однако захватить на всякій случай всѣ четыре потеси, и когда, при спускѣ, руль разломало въ щепы, то вытащилъ припрятанныя имъ бревна и спустилъ на нихъ судно какъ на веслахъ. За такую догадку и знаніе своего дѣла Петръ щедро наградилъ его. Подаренная Петромъ земля до сихъ поръ числится за потомками лоцмана, близъ города Боровичей.

Ладожскій каналъ, вырытый для обхода бурнаго Ладожскаго озера, былъ тоже начатъ Петромъ, но, не смотря на всѣ его хлопоты окон-

чить его,—ему не удалось этого сдѣлать. За то Петръ устроилъ не только удобный водяной путь отъ Волги до Ладожскаго озера, но при немъ были очищены русла рѣкъ Гжати и Вазузы, по которымъ подвозились пенька, хлѣбъ и другія хозяйственныя произведенія, а для сплавки корабельнаго лѣса изъ Казанскаго уѣзда въ Волгу вычищена была рѣка Рудка.

При его еще жизни пошли суда вверхъ по Волгѣ, нагруженныя астраханскимъ виноградомъ, терскимъ и донскимъ виномъ, ахтубскимъ шелкомъ, издѣліями изъ желѣзныхъ, мѣдныхъ и чугунныхъ заводовъ, кожевенными товарами, саломъ, свѣчами, мыломъ и т. д., и возвращались съ заморскими нѣмецкими товарами, да съ издѣліями петербургскихъ и московскихъ фабрикъ. Фабрикъ и заводовъ при Петрѣ появилось немало: суконныя, оружейныя, литейныя, пороховыя, канатныя, полотняныя, парусинныя, кожевенныя, лосиныя,сахарныя, бумажныя, зеркальныя,шелковыя,золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, сафьянныя, шпалерныя, корзинныя, крахмальныя, пожарныхъ трубъ, пуговицъ, оловянной посуды, табачныхъ трубокъ, карточныя, мыльныя, свѣчныя, всего до 200 фабрикъ и заводовъ.

Много разнаго люда кормитъ каждая большая фабрика и отъ нея распространяются разные промыслы по сосѣдству, и весьма важно для страны, чтобы произведенія ея

обработывались въ самой странѣ, а не вывозились сырыми въ чужія страны. Не удивительно, что, заведя столько фабрикъ и заводовъ, Петръ этимъ увеличилъ государственный доходъ въ пятеро противъ того, что получала до того Россія.

Отъ внутренняго устройства государства мысль переносится къ созданному Петромъ Великимъ войску и флоту, къ побѣдамъ на сушѣ и на морѣ, одержаннымъ преимущественно при Екатеринѣ Великой, которую по справедливости называли преемницей дѣлъ Петровыхъ. Петръ повелъ Россію по новому пути, и на этомъ пути она нынѣ ушла далеко, разрослась въ Азіи, окрѣпла на западѣ; сѣть желѣзныхъ дорогъ начинаетъ прорѣзывать уже необъятную Сибирь. Но, не смотря на такой ходъ впередъ, еще многое не вошло въ жизнь изъ того, о чемъ думалъ-гадалъ великій Петръ. При всякомъ полезномъ начинаніи мы нападаемъ и будемъ еще долго нападать—на слѣдъ могучей ручи, на отблескъ свѣтлой мысли царя-работника.

Смерть смежила Его очи.
Но безсмертныя дѣла,
Но слѣды широкой мочи
Русь въ наслѣдье приняла.

ИЗДАНІЯ

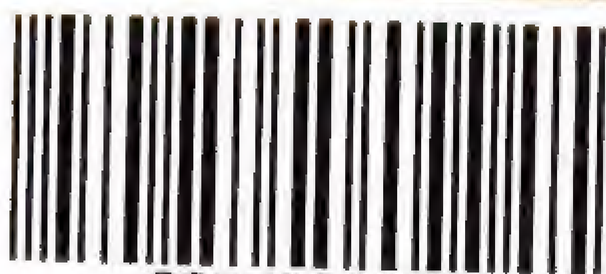
учрежденной, по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію, г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія **Постоянной Коммисіи по устройству народныхъ чтеній** и состоящаго при ней **Издательскаго Общества.**

(С.-Петербургъ, Лиговская ул., д. № 19).

Уничиженіе на землѣ Господа нашего Іисуса Христа. Ц. 8 к.—**Церковь Христова со временъ Апостоловъ.** Ц. 15 к.—**Жизнь Божіей Матери.** Ц. 10 к.—**О Богослуженіи Православной Церкви.** Ц. 10 к.—**Великій постъ.** Ц. 8 к.—**Св. Василій Великій.** Ц. 7 к.—**Св. Григорій Богословъ.** Ц. 7 к.—**Св. Іоаннъ Златоустъ.** Ц. 7 к.—**Жизнь Св. Николая Чудотворца.** Ц. 8 к.—**Житіе преподобнаго Ксенофонта, Маріи, Іоанна и Аркадія.** Ц. 8 к.—**Св. Кириллъ и Меѳодій, просвѣтители Славянъ.** Ц. 8 к. — **Св. Стефанъ Пермскій.** Ц. 5 к. — **Св. Митрофанъ Воронежскій.** Ц. 5 к.—**Св. Димитрій Ростовскій.** Ц. 5 к.—**Св. Тихонъ, епископъ Воронежскій и Задонскій.** Ц. 8 к. — **Іоаннъ Дамаскинъ.** Стихотвореніе. Ц. 3 к.—**Отшельникъ** (Алексій, человѣкъ Божій). Стихотвореніе. Ц. 5 к.—**Исторія Святой Земли.** Ц. 12 к.—**Русскіе богомольцы въ Святой Землѣ.** Ц. 20 к.—**Русскіе богомольцы на Синаѣ.** Ц. 12 к. — **Богомольцы у святынь Кіева. Лавра.** Ц. 20 к.—**Старый Кіевъ.** Ц. 10 к.—**Свято-Троицкая Сергіева лавра.** Ц. 12 к. - **Святая Почаевская Успенская лавра.** Ц. 8 к.—**Кирилло-Бѣлозерскій монастырь.** Ц. 8 к. — **Валаамская обитель.** Ц. 8 к.—**Соловецкая обитель.** Ц. 8 к.—**Новый Іерусалимъ.** Ц. 8 к.—**Ростовъ Великій и его святыни.** Ц. 15. к.—**Святыни города Вильны** Ц. 10 к. — **Московскій Кремль.** Ц. 7 к.—**Крестные ходы въ Москвѣ.** Ц. 5 к.—**Платонъ, митрополитъ Московскій.** Ц. 5 к.—**О жизни и подвигахъ Иннокентія, архіепископа Камчатскаго впослѣдствіи митрополита Московскаго.** Ц. 10 к.

Начало христіанства на Руси. Ц. 8 к.—**Сыновья Св. Владиміра: Св. Борисъ и Глѣбъ. Ярославъ.** Ц. 6 к.—**Владиміръ Мономахъ и его завѣщаніе.** Ц. 10 к.—**Нашествіе Татаръ и князь Михаилъ Тверской.** Ц. 8 к.—**Св. благовѣрный великій князь Александръ Невскій.** Ц. 7 к.—**О святыхъ Московскихъ митрополитахъ Петрѣ и Алексіи и о Мамаевомъ побоищѣ.** Ц. 8 к.—**Иванъ III.** Ц. 10 к.—**Царь Иванъ Васильевичъ Грозный.** Ц. 10 к.—**О смутномъ времени на Руси.** Ц. 15 к.—**Царствованіе Михаила Ѳеодоровича.** Ц. 8 к. — **Царствованіе Алексѣя Михайловича.** Ц. 8 к.—**О Петрѣ Великомъ.** Ц. 15 к.—**О преемникахъ Петра Великаго (до Екатерины II).** Ц. 10 к.—**Екатерина II Великая.** Ц. 10 к.—**О Суворовѣ.** Ц. 7 к.—**Царствованіе Императора Александра Перваго Благословеннаго.** Ц. 10 к.—**Народная война 1812 года.** Ц. 25 к.—**Императоръ Николай I.** Ц. 12 к.—**Разсказы о Севастопольцахъ.** Ц. 8 к.—**О жизни и дѣяніяхъ Императора Александра II.** Ц. 20 к.—**О благочестивѣйшемъ въ Бозѣ почившемъ Императорѣ Александрѣ III.** Ц. 5 к.—**Объ уніатахъ въ Западной Руси и ихъ возсоединеніи съ православною церковью.** Ц. 15 к.—**О рукописномъ дѣлѣ и книгопечатаніи на Руси.** Ц. 10 к.—**Милость Божія надъ Царемъ, явленная землѣ Русской 17-го октября 1888 года.** Ц. 10 к.—**Путешествіе Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича на востокъ въ 1890—91 гг.** Ц. 15 к.

Дозв. ценз. Спб. 2 Февраля 1896 г. Т-во «Печатня С. П. Яковлева». Невск., 13.

2007099387